

Игра в мраморные шарики

*Хогстервард, Восточная Фризия
17 марта 1834 года*

Дверь в комнату распахнулась так внезапно, что Лене не успела понять, что происходит.
— Вставай! Живо!

Генри — отец — светил лампой прямо ей в лицо.

— Вставай! Поднимайся! Давай!

Лене сонно потерла глаза. Стояла глубокая ночь. Ей снилось, как она танцует на площади перед церковью Святой Марии в Аурихе. Совсем недавно они с мамой были там на ярмарке — продавали собственноручно плетенные корзины, — и образы в голове Лене все еще крутились, словно ленты на майском дереве: шелковый мамин платок, который Лене впервые позволили надеть, яркие наряды и шляпки, флаги, развевающиеся на ветру. Музыканты, огнеглотатели, гадалки... Стуча деревянными башмаками, Лене шла к гавани, где теснились корабли. Каждый взгляд — новое восхищение, каждый шаг — новое открытие. Лене с восторгом бегала от одного прилавка к другому, любуясь яркими тканями и лентами, вдыхая ароматы чая и кофе, спотыкалась о мешки с ферским овсом и пельвормской пшеницей, проходя мимо жирного скота из Айдерштедта и ютландских криковок, рыбных и сырных лавок, бочек с бренди и пряностями из

далеких стран, притягиваемая звуками веселой музыки. Во сне все было совсем как тогда — она видела, чувствовала и ощущала то же самое. Сердце ее забилося быстрее, когда она заметила в толпе Матца и он улыбнулся, пробираясь к ней сквозь толчею. Они кружились в танце под музыку, все быстрее и быстрее, а потом Матц поймал ее и прижал к себе, посмотрел в глаза и...

— Лене!

Генри стоял у изножья кровати, которую делила вся семья. Мерцающий свет лучины у него в руке отбрасывал тени на изможденное лицо. Ее сестры, Зейтье и Ханна, еще спали. Мать со стоном отвернулась, когда на нее упал свет.

— Что случилось? — спросила Лене, еще не до конца проснувшись. Одеяло соскользнуло с ее плеч, и она задрожала от холода, лишенная тепла других тел.

— Ваттшип¹ сел на мель у берега... Надо выходить. Остальные уже на ногах.

Генри, еще в ночной рубашке, но уже с пристегнутой деревянной ногой, поставил лампу на сундук у двери и направился к печи. Зейтье приоткрыла глаза и, словно маленький котенок, теплая от сна, прижалась к Лене.

— Слишком рано, — пробормотала малышка, обняв свою старшую сестру. — Кроватки еще спят.

Обычно Лене, как и многие другие женщины Хогстерварда, ходила в песчаные отмели собирать креветок. Всегда в часы отлива, в «мертвое» время, когда рыбаки спали, с сеткой и корзиной. Лене всегда была одной из последних, кто, задрав подол юбки, возвращался по ледяной воде перед наступающим приливом. Тем време-

¹ В Пруссии и Дании Северное море называли Ваттовым морем — из-за ватт: глинистых участков, образующихся при отливе. Большие суда, сядившиеся на мель у берега, называли ваттшипами, или прибрежниками. В плохую погоду море часто разбивало их, и то, что находилось в трюмах, становилось добычей местных жителей.

нем мужчины разводили большие костры, чтобы сварить креветки, которых потом везли на рынок в Гретзилль.

Заработать на этом удавалось немного — несколько белых пфеннигов, но если повезет, то и штубер или пару грошиков.

Ткачи, фермеры, рыбаки — каждый ревностно следил, чтобы никто не лез в их дела и не портил бизнес. Несколько недель назад Генри купил старую лодку, потратив на нее все сбережения, что было большим риском. Безногий на рыбацкой лодке? Долго он не продержится... Но пока его оставили в покое. До несчастного случая он был матросом, а рыбачить еще только учился. Улов был совсем скудным, и креветочная ловля оставалась единственным более-менее надежным источником дохода.

Раньше на рынке стояла мать, Ренше, в то время как Лене после тяжелых часов на отmelях оставалась дома и занималась садом и хозяйством. Но последние две недели показали, что этого уже недостаточно. Силы Ренше угасали, живот рос, днем она чувствовала себя уставшей, а ночью не могла заснуть. «Еще один рот кормить», — презрительно сказала кожевница, бросая осуждающий взгляд на соседей.

— Там корабль, — прошептала Лене, чтобы не разбудить Ханну. — Надо идти.

Голубые глаза Зейтэ засверкали, и на ее лице появилась смесь искреннего сочувствия к бедным душам в море и неудержимой жажды приключений. Все говорили, что они с Лене похожи как две капли воды: светлые волосы, голубые глаза, вздернутые носы и одинаковые высокие лбы, жилистые руки и тонкие ноги. У них не было зеркал, но, глядя на раскрасневшееся от сна лицо Зейтэ, Лене казалось, что она видит себя несколькими годами ранее. После Лене мать потеряла троих детей, поэтому разница в возрасте между ней и младшими сестрами была такой большой: Лене было

восемнадцать, Ханне — двенадцать, а Зейтье — восемь. Ожидание еще одного ребенка, конечно, было поводом для радости, но это также означало еще один рот, который нужно кормить.

— Пираты? — взволнованно прошептала Зейтье.

— Скорее ваттшип, застрявший в наших болотах. А теперь спи.

— Не могу!

— Тогда лежи и помечтай о чем-нибудь хорошем.

Каждый час сна — это час без голода. Лене осторожно переступила через мать. Едва она покинула постель, как ее схватила горячая рука.

— Корабль?

Мамин голос звучал хрипло. Лене наклонилась и провела рукой по ее влажному от пота лбу. У нее был жар — еще один повод для беспокойства.

— Отец хочет выйти в море и берет меня с собой.

Ренше с усилием приподнялась, застонала.

— Он не может. Не с его ногой.

— Скажи ему сама.

— Пойдете на берег?

Собирать то, что выбросит на берег с потерпевших крушение кораблей, считалось обычным делом. Нужно успеть до других и найти то, что принесут волны. До сих пор Воскампы не участвовали в этих гонках. Но с тех пор как у них появилась лодка, казалось, Генри только и ждал подобного случая.

— Погода меняется.

— Вот почему нам нужно спешить.

Генри уже стоял в дверях, почти полностью одетый.

— Идем, — буркнул он.

Ренше изнеможенно опустила обратно на постель. Она жестом подозвала мужа к себе, и тот бросил неуверенный взгляд через плечо. Снаружи доносились голоса, стук деревянных башмаков и подбитых гвоздями кожа-

ных подошв, выкрики, полные спешки, но постепенно все стихало. Нужно было поторопиться.

— Позаботься о малыше, — прошептала она, взглянув на Лене. — Мне снова снился он...

В мерцающем свете свечи Лене заметила тень, промелькнувшую на лице отца.

— Не говори глупостей! — Нервные нотки в его голосе были очевидны. — Ты слишком много думаешь.

С этими словами он вышел из дома. Лене поцеловала мать в лоб и поспешно открыла сундук, в котором хранились ее скромные пожитки. В холодные ночи она всегда спала одетой, поэтому не было нужды тратить время на переодевание. Рубашка, юбка и куртка — большего у нее и не было.

Возле холодной печи на крючках, прибитых к дырявой деревянной стене, висели шерстяные платки. Ветер свистел сквозь щели, заставляя Лене сильнее дрожать. «Нам нужен торф, — подумала она, глядя на пустую корзину. — Срочно. Нужно топить печь. Мать не может весь день оставаться в постели». О чайных листьях она даже не смела мечтать. Последние листья они кипятили, наверное, уже раз двадцать.

— Лене! — раздался раздраженный и нетерпеливый крик Генри.

Вся деревня, казалось, была на ногах: факелы плясали и прыгали в ночи, выхватывая из тьмы фасады домов. Почти у каждой двери стояли женщины и дети, выкрикивая своим мужчинам напутственные слова. Увидев Лене, люди отворачивались. Только кожевница Юле коротко кивнула ей: «Пакость к пакости, пакость ладится». Они были изгоями в Хогстерварде, и это странным образом их сближало. Лене потуже завязала платок вокруг плеч и зашагала прочь.

Редко случалось, чтобы семья Воскамп участвовала в общих делах деревни. Лене, в свои восемнадцать, едва

могла вспомнить, но когда-то было иначе. Несчастный случай с отцом, видимо, сыграл свою роль, но он никогда о нем не говорил. Раньше они жили в настоящем доме, где зимой в очаге трещал огонь, а летом на траве сушилось белоснежное белье. Но потом обрушилось несчастье, как проклятие, такая нищета, от которой они не могли оправиться до сих пор.

И презрение. Оно пришло вместе с нищетой. Лене ощущала его в чужих взглядах, в том, как люди отворачивались, когда она проходила мимо. В том, что на праздниках никто не садился рядом с ними, а в деревенской школе ее посадили рядом с заикой Суллой, которая просто не успела возразить. Однажды бродячий торговец Йолеш сказал: «Лучше мертвым быть, чем дома в мягкой постели лежать». Когда Лене спросила об этом у отца, он впервые ее ударил. А спрашивать других в Хогстерварде она не решилась.

Но Лене добралась до берега без происшествий. Никто не ставил ей подножки, никто не толкал с дороги. Вероятно, потому, что у всех была одна цель: Силер-Тиф, где покачивались пришвартованные лодки. Лодка ее отца находилась в очень неудобном месте — в самом конце природной бухты. Если не повезет, они будут последними, кто выйдет в море. Прилив уже давно миновал свой пик, и оставались последние минуты, когда можно было успеть выйти. Ветер дул с северо-востока, и в открытом море, вероятно, уже начинался шторм. Сердце Лене забилося быстрее, в воздухе витало странное напряжение.

Новость о кораблекрушении распространилась как лесной пожар. Лене протиснулась сквозь толпу зевак и тех, кто остался позади. Ее отец уже был в лодке и разворачивал парусину.

— Какой корабль-то? — раздался крик слева.

— Мекленбургский! — крикнул кто-то в ответ.

— Англичанин!

— Пруссак!

— Лене! Отвязывай веревку!

Лене с ловкостью развязала узел и бросила веревку в лодку. Отец уже поднял парус и завязал рифы. Ветер ворвался в парус, заставив его громко хлопать.

— Все на палубу! Все на палубу! — раздавались крики с других суденышек, побольше. — Тяни крепеж! Рифы выбирай! Поднимай реи!

Самые проворные начали покидать гавань.

— Черт! — закричал Генри, когда мимо них пронеслась «Грете» Йорга, двухмачтовый хукер, самое большое судно Хогстерварда. Его бушприт почти врезался в борт их лодки. Лене слышала, как скрипит дерево и хлопают паруса на ветру. На мгновение показалось, что они вот-вот столкнутся.

— Эй! — закричал отец, сжав кулак от ярости. — Хочешь нас угробить, подлец?!

Йорг, стоявший возле бушприта, показал в их сторону непристойный жест. Широкоплечий крепкий мужчина с морщинистым лицом и руками твердыми как камень. Его сыновья гордились тем, что якобы могли доплыть на «Грете» до берегов Шотландии. Были ли их рассказы правдой? Никто не хотел выяснять. Главное — как хорошо это звучало долгими вечерами между выходом в море за рыбой или в мясной лавке, где перед большими праздниками Лене выпрашивала объедки. Она могла долго стоять в углу незамеченной, прежде чем ее обнаруживали, после чего следовала гробовая тишина, к которой она уже привыкла.

— Лене! — закричал ее отец. — Ветер крепчает! Бери круче к ветру!

Она ухватила за шкоты, чтобы натянуть парус.

— Тяни! Тяни сильнее!

Лене изо всех сил тянула канат, а отец стоял на корме и яростно поворачивал штурвал.

— Лене! Проклятье!

Она всем телом навалилась на шкоты, упираясь деревянными башмаками в шершавую палубу, и медленно, очень медленно их лодка начала набирать ход, прорезая ветер и направляясь в открытое море. Волны сразу же налетели на борта, как дикие, голодные звери. Лене промокла до нитки. Соленая вода заливала глаза, и она, моргая, вытирала лицо рукавом.

Задышавшись от напряжения, она закрепила канат и только тогда смогла оглядеться, чтобы посмотреть, где находятся другие. Ветер завывал, и каждый раз, когда они поднимались на гребень черной волны, ей открывался новый, пугающий вид на охваченную штормом ночь.

«Грете» уже ушла далеко вперед, но старая маленькая лодчонка Генри уверенно держалась в среднем ряду охотников за наживой.

— Куда? — закричала Лене.

— Круче на северо-восток! За остальными!

— К Лейбухту!¹ Вокруг Лейхорна пойдём!

Это было недалеко. В хорошие дни путь занимал меньше получаса. Но в такую погоду... Лене не привыкла управлять лодкой. Генри брал ее с собой всего несколько раз, и тогда не было такого ненастья, как сейчас.

— А на другой стороне уже знают, что произошло? — спросила она, имея в виду людей, живущих к востоку от мыса.

Берег в этом месте изгибался в море, словно согнутый палец, слева находился Хогстервард, а справа — Утландсхорн. Теперь началась настоящая гонка: кто первым доберется до места, куда вынесло добычу из трюмов. С обеих сторон будут сходить и драться за бочки и ящики. Лене стало не по себе от этой мысли. Когда дело касалось выживания, никто не проявлял со-

¹ Лейбухт — залив в Восточной Фризии на северо-западе современной Германии.

страдания, особенно к беднякам вроде них с отцом, плывущим на полуразрушенном корыте.

Сам Генри держался уверенно. Стоял расставив ноги, как, должно быть, делал это в юности, до несчастного случая. Сердце Лене бешено колотилось в груди. Ух, какая гонка! А ее отец — настоящий герой. Горечь, съедавшая его в последние годы, улетучилась, здесь он был в своей стихии. Глаза сверкали, а голос звучал так сильно, как Лене никогда и не слышала.

— Вперед! Вперед! — кричал Генри, обгоняя «Грете» на расстоянии. Йорг сжал кулак и прокричал что-то, но ветер тут же поглотил его слова. Было удивительно светло, должно быть, из-за луны, которая то и дело выглядывала из-за стремительно бегущих облаков.

Лене запрещала себе думать о людях с потерпевшего крушение корабля. О том, что там сейчас происходит или совсем недавно произошло...

— Что это за корабль? — спросила она, перекрикивая ветер.

Генри только плечами пожал. Он напряженно смотрел на берег — длинную темную полосу, лежавшую в полумиле от них.

— Фрегат или луггер. Может, со льдом, если из Англии.

— О нет! — В последнее время англичане начали отправлять быстрые, маневренные суда на Карибы, чтобы обеспечивать плантаторов льдом. Но если груз упадет в море, даже в холодной Северной Атлантике от него не останется и следа.

— Или соль, — усмехнулся Генри. — Или чай.

— Только не это! — Чай был самым драгоценным грузом на кораблях и самым уязвимым, если соприкасался с морской водой. Лене мечтала о чем-то более надежном, например о сундуке с шелком или золотыми монетами. Но чаще всего на берег выбрасывало расколотые доски, а однажды — такое случалось очень редко и стало почти легендой, — вынесло бочку с бренди. После прилива

вода приносила рваные паруса, кухонную утварь, пустые мешки из-под кофе, бочки с нефтью. А иногда... Лене зажмурилась. Иногда и мертвого моряка.

— Черт возьми!

Лене испуганно посмотрела на отца.

— Маяк!

Сквозь тьму прорезался яркий свет.

— Вот он.

— Да, но зажегся только сейчас! Вот подлецы, вот безбожные псы!

Он с яростью налег на штурвал, пытаясь удержать курс.

— Может, ты ошибся?

Но нет, он не ошибся. Теперь, когда сигнальный огонь снова горел на вершине башни, видимый издалека, даже слепому стало бы ясно, что какое-то время сигнала не было.

— Думаешь... его потушили специально?

Генри мрачно кивнул.

— Надо возвращаться. Не хочу быть в это замешанным. Если это всплывет, нас всех повесят.

Не было преступления ужаснее, чем намеренно погасить маяк. Отвратительнее злодеяния не придумать — завлекать корабли на верную гибель.

— Разворачиваемся? — спросила Лене.

Отец кивнул. Лене поползла к носу лодки, выполняя отрывистые приказы с кормы. Медленно, очень медленно лодчонка начала поворачиваться. Паруса возмущенно хлопали на ветру, и откуда-то донеслись хриплые крики. Вероятно, с других лодок, хозяева которых не понимали, почему кто-то взял да развернулся так близко от цели.

Однако море не собиралось сдаваться. Казалось, оно всеми силами сопротивляется, пытаясь сбросить деревянное суденышко со своей спины. Крики отца тонули в воющем ветре и ревущих волнах. Руки Лене были стер-

ты до крови, несмотря на то что они давно уже покрылись мозолями. Ноги дрожали от усталости, сил едва хватало.

— Лене! — закричал он. — Лене!

Она обернулась, и это было ошибкой. Веревка сорвалась и выскользнула у нее из рук. Лене не успела поймать конец — гик развернулся, с силой ударил Генри и сбил его в бурлящую воду.

— Отец! — в ужасе закричала она.

Гик вернулся, и девушка чудом успела пригнуться, чтобы самой не оказаться за бортом. Свободный конец веревки свистел в воздухе, словно кнут. Она бросилась к нему, не обращая внимания на жгучую боль, которую соленая вода вызывала в израненных ладонях. Завязала узел и как можно быстрее побежала к рулю.

— Отец! — закричала Лене снова, чувствуя, как холод и отчаяние сковывают ее, словно она сама тонула, погружаясь в глухую, непробиваемую темноту. — Генри!

Он пропал. Лодка взобралась на гребень очередной волны. Лене удалось мельком взглянуть туда, где исчез ее отец. Остальные лодки уже добрались до мыса Лейхорн, а лучи маяка тянули за собой призрачные полосы света по черному морю.

— Отец! — Отчаяние разрывало ее грудь. Слезы застилали глаза, и под победоносный вой ветра лодка снова спустилась с волны и начала забираться на следующую. Руки Лене тряслись, она кричала, молилась, рыдала, уже не зная, сколько прошло времени и как далеко лодку унесло от того места, где упал Генри. В порыве чувств она плюнула на свои руки — на эти бесполезные предательские руки, которые не смогли спасти собственного отца.

— *Help!*¹ — раздался крик откуда-то издалека. — *Help!*

— Сюда! Сюда! — закричала Лене в ответ.

¹ Помогите! (англ.)